

Л.А. Курышева

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**«Повесть об Александре и Лодвике» в сентиментальную эпоху:
древнерусская повесть в новом культурном контексте***

Аннотация: Появление в 1793 г. печатной обработки рукописной повести об Александре и Лодвике подвело черту в завершении процесса превращения древнерусской повести-притчи в «сказку». В «Сказке о славных витязях Александре и Лодвиге, живших между собою в великом согласии и готовых умереть друг за друга» мы наблюдаем «фольклоризацию» формы и воздействие сентиментальной этики, что соответствовало вкусам «демократического» читателя конца XVIII в.

The publishing of the adaptation of the manuscript of «Alexandr's and Lodwik's Story» in 1793 put an end to the transformation of the Old Russian parable's narrative into the «tale». In the «Tale of the famous knights Alexandr and Lodwig» we can observe the «folklorisation» of the form and the influence of the sentimental ethics, which corresponds with the democratic reader's taste.

Ключевые слова: Повесть о семи мудрецах, Повесть об Александре и Лодвиге, русская демократическая литература XVIII в.

The Seven Sages of Rome, The Alexandr's and Lodwik's Story, democratic Russian literature of XVIII.

УДК: 811.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, 8. ИФЛ СО РАН. Тел. (383) 3305345. E-mail: kurysh@mail.ru.

Пространный рассказ о верной дружбе Александра и Лодвика входил в состав Повести о семи мудрецах, которая получила распространение в России через польское посредство с первых десятилетий XVII в. Осталось большое количество списков XVII–XVIII вв., при этом история об Александре и Лодвиге, как и несколько других вставных историй, получили самостоятельное бытование [Ромодановская, 1998, с. 183–187; Казовская, 2006, с. 503].

В конце XVIII в. многие произведения, имевшие хождение в рукописном виде, попали в печать. В их числе – «Сказка о славных витязях Александре и Лодвиге, живших между собою в великом согласии и готовых умереть друг за друга» [Сказка, 1793, с. 59–98]. Я намерена показать, как была изменена древнерусская повесть в соответствии с менталитетом и литературными вкусами новой эпохи.

Однако первый вопрос – о рукописном материале, который лежал в основе переработки древнерусского памятника в печатную «сказку». Исследование списков древнерусской повести показало, что все три редакции памятника восходят к одному переводу с польского¹. Для сопоставления в нашем распоряжении имеются две публикации древнерусского памятника, осуществленные в соответствии

---

* Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта «Эволюция повествовательных жанров в русской литературе: от Средневековья к Новому времени» (направление 5 Программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 33).

¹ Обзор библиографии см.: [Азволинская, Каган, 1998, с. 183–187].

с современными текстологическими принципами¹. Текстуальные параллели к нашему печатному пересказу 1793 г. наблюдаются в списках, относимых исследователями к редакции, наиболее русифицированной, литературно обработанной и краткой (редакция С), представленной публикацией списка, датированного началом XVII в. [Повесть о семи мудрецах, 2006, с. 503]².

Прежде чем приступить к сопоставлению древнерусской повести и ее печатной обработки конца XVIII в., напомним кратко содержание древнерусской повести об Александре и Лодвике. В основе два сюжета: первый, по происхождению сказочный, о мудром отроке, умеющем толковать пение птиц, рамкой охватывает второй, восходящий к французской жесте о верной дружбе двух рыцарей Ами и Амиля. За обидное предсказание о будущем возвышении Александр выброшен отцом в море. Мудрый отрок становится приемным сыном царя, женихом его дочери и назначен наследником Египетского царства. На службе у цесаря Цыреуса его товарищем становится Лодвик, сын израильского царя. Молодые люди похожи как две капли воды, только Александр сильнее и мудрее Лодвика. Александр добывает для Лодвика любовь цесаревны Фларенты, затем, под видом Лодвика, участвует в судебном поединке за честь цесарской дочери и получает в награду ее руку. Теперь наступает очередь Лодвига доказать свою преданную дружбу. Жена Александра опаивает его зельем и выгоняет заболевшего проказой мужа из царства. Неузнанным нищим он приходит к цесарю Лодвику. Узнавание совершается благодаря перстню, подаренному Лодвиком при расставании. Исцеление возможно, если цесарь Лодвик своими руками омоет тело друга в крови своих сыновей, что он и совершает. Александр выздоравливает, чудесным образом дети Лодвика оказываются живы. Повесть завершается восстановлением на царстве Александра, наказанием злой жены и его посещением родителей, то есть совершением предсказания.

Название сборника, в который вошла «Сказка о славных витязях», – «Исторические сказки» – указывало на желание издателя подчеркнуть старинный дух публикуемых произведений, т.е. связать их с традицией. В древнерусском памятнике, в части повести, связанной по происхождению со сказкой, все герои предстают безымянными (отрок, родители, царь и его дочь), имя героя «Александр» возникает позже, когда в права вступает эпический сюжет. В печатной обработке 1793 г. мы видим дальнейшее сближение с жанром сказки, с оглядкой на национальные традиции. В заглавии друзья названы «витязями», в зачине отец Александра обозначен как «некоторый *славный богатырь*» [Сказка, 1793, с. 59] (ср. с древнерусским текстом – «...бысть *некий рыцарь*, име у себя единого сына именем Александра» [Повесть о семи мудрецах, 2006, с. 214]. К усилению сказочных черт можно отнести то, что за исключением двух друзей и их недруга Сидона все герои окончательно утратили личные имена и обозначены через свои социальные роли. Здесь нет ни цесаря Цыреуса, ни цесаревны Фларенты. Безымянность героев указывает на усиление в переработке 1793 г. черт сказки, также как и некоторое размывание географии – против четко обозначенных в древнерусском памятнике Египетского и Израильского царств и Римской цесарии. На страницах печатной сказки 1793 г. герои действуют в своих социальных ролях: витязи, «славный бога-

---

¹ Список начала XVII в. РНБ Q.XV.2 опубликован: [Повесть о семи мудрецах, 2006, с. 175–228, с. 502–504]. Другой опубликованный список – конца XVII в. РНБ Q.XV.28 – представляет особую барочную обработку Повести о семи мудрецах, принадлежащую перу Тимофея Каменевича-Рвовского, иеродиакона Холопьего монастыря на р. Мологе, члена «писательского цеха» Симеона Полоцкого: [Повесть о семи мудрецах, 1988, с. 192–266, 637–638].

² Кроме того, печатная «Сказка» имеет текстуальные параллели к списку редакции В, опубликованному в конце XIX в. Обществом любителей древней письменности [Книга седми мудрецов, 1878–1880].

тырь», «некий славный вельможа», «царь той страны» (взаимозаменяемо называемый также «королем»), бояре, «самодержавный царь», царевна. Мы можем встретить здесь и забавные анахронизмы: «вельможа» и «бояре», Александр служит «виночерпом», а Лодвиг – «дворецким».

К чертам сказовым, появившимся в новой обработке 1793 г., следует отнести введение парных формул типа «имя и прозвище» и «откуда и зачем пожаловал» (при встрече царя и Александра) и имитацию просторечия: «вот вам совет мой весь», «ну так мне то известно» (диалог Александра и Лодвика). Примеры тому можно было бы умножить.

Тенденция восприятия древнерусской повести как оригинального исконно русского произведения проявилась уже в начале XVIII в.: в «Гистории о Василии Кариоцком» Лодвик назван российским «королевичем», а в одном из списков второй половины XVIII в. к царскому быту добавлены черты русских придворных традиций – царь всем кушаньям предпочитает «белу лебедь» [Рукопись, л. 1 об.]. В обработке 1793 г. завершился процесс жанровой идентификации древнерусского текста как сказки.

Е.К. Ромодановская обратила внимание на то, что «только в 1770–1780-х гг. темы и сюжеты древнерусских повестей стали находить отражение» в современном романе, в частности у И. Новикова, Ф. Эмина, М. Комарова [Ромодановская, 1999, с. 20], наряду с печатанием большого количества произведений, ранее популярных в рукописной литературе. Их адресатом, в том числе «Сказки о славных витязях», был демократический читатель. Разумеется, такого рода «низовая» литература была далека от художественных открытий карамзинской прозы. Однако и она испытала влияние современной литературы, в частности сентиментализма, и вместе с новыми словесными формулами и литературными клише отразила самый дух эпохи.

Прежде чем к ним обратиться, остановимся на примечательном отклике на «Повесть об Александре и Лодвике» в оригинальной русской повести Петровской эпохи – «Гистории о Василии Кариоцком». В эпизоде встречи главного героя с королевной Ираклией, анонимный автор сравнивает поведение матроса Василия с поведением Лодвика, подчеркивая различие их характеров: Василий «паде от ея лепоты на землю, яко Лодвик, королевичь российский, токмо не так, как Лодвик, себя отягчил любовию склонною и в любовь паде» [Повесть о российском матросе Василии, 1965, с. 196–197]. Влюбленный подобно Лодвику с первого взгляда, Василий предпринимает решительные действия к освобождению Ираклии из плена. Вполне понятно, почему Лодвик, впечатлительный и слабый герой, которого любовь ставит на грань жизни и смерти, не мог быть симпатичен в эпоху петровских преобразований, выдвинувшую героев смелых и предприимчивых¹.

В самом деле, герои древнерусской повести в выражении своих чувств непосредственны и экспрессивны², исключая, пожалуй, Александра, который всегда сохраняет присутствие духа. Как мне думается, в конце XVIII в. эта «чувствительная» сторона древнерусской повести привлекла обработчика и побудила его рассказать о верной дружбе новым языком, прошедшим сентименталистскую

---

¹ Ср.: «Автор “Гистории” о российском матросе упомянул повесть об Александре и Лодвике для того, чтобы решительно противопоставить Василия Лодвику, этому беспомощному влюбленному, не способному ни на какие действия» [Моисеева, 1965, с. 54].

² Например, узнав о скором отъезде товарища Лодвик и Фларента «зело смутишася» и весь двор «мнози убо по нем плакахуся, понеже любляху его зело», «Фларента же цысаревна велми плакася и рече Лодвику: “О милый мой Лодвик, Александр, друг наш, отъедет, ты же имаши неутешно плакати, понеже втораго себе Александра не обрящещи такова...”. И плакав Фларента много, объем Александра, и целова ... и ина много изглагола в себе многими слезами, отпусти его, Лодвик же провожаше его семь дний и много плакася о сем» [Повесть о семи мудрецах, 2006, с. 218–219].

школу выражения душевных движений через слово и жест. Кроме того, в обработке древнерусской повести об Александре и Лодвике 1793 г. мы наблюдаем воздействие сентименталистских этических установок.

В древнерусской повести Александр – рыцарь без страха и упрека, верный друг Лодвику и Фларенте, сильный воин и мудрый советчик, за что его любят и уважают окружающие («Александр таков бе мудрец, иже ото всех любим» [Повесть о семи мудрецах, 2006, с. 216]). Товарищи во всем похожи друг на друга, кроме мудрости и силы, в которых Александр превосходит Лодвика. В обработке 1793 г. эта характеристика повторена. Сравним (здесь и далее курсив мой – Л.К.):

Повесть об Александре и Лодвике, список начала XVII в. (далее – Повесть)

Бяху же Александр лицом и возрастом, и власы, и глаза *приличны другу другу*, и в молвах, и в речех – во всем приличны, *токмо мудростию друг от друга различны*, и между собою велми любляхуся. *Александр же бяше зело мочен, а Лодвик млад и не мочен*, токмо в том разньство меж ими бяше (с. 217).

Сказка о славных витязях Александре и брате его Лодвиге, 1793 г. (далее – Сказка)

Оба сии товарищи имели между собою *совершенное сходство*, как в виде, росте, осанке, так и в самых речах и голосе, *окроме одного только разума*, в котором Александр превосходил Лодвига несравненно более, а сврх того *первый был здоров и крепок, другой же слаб и безсилен* (с. 66).

Однако в целом, в «сказке» 1793 г. мудрость перестает быть стержневой характеристикой Александра, вместо нее на первый план выдвинуты душевные качества героя:

Повесть

И живе Александр много лет, и у краля, и у всех люде бе честен, и нача быти *славен рыцарь*, и уристание много творяше, и *не бе такова рыцаря, кий бы со Александром бился* или кто с ним *мудростию* зговорил (с. 216).

Сказка

Таким образом жил Александр сей у царя того долгое время в великой милости и у людей в чрезвычайном почтении, слывя повсюду *славнейшим витязем*, какова нигде еще и подобнаго не бывало не только *в телесных силах*, но ниже *в душевных дарованиях*» (с. 63–64).

Для автора обработки было важным подчеркнуть исключительность героя через оценку его душевных качеств – душевности, отзывчивости, готовности к самопожертвованию. *Чувствительность*, «важнейший компонент нравственной характеристики человека» [Кочеткова, 1994, с. 18], напрямую названа в эпизоде, когда болящий Александр узнает о страшном средстве к излечению – омыться кровью детей Лодвига: «Александр, вняв сему гласу, начал размышлять ... *ибо от природы был он крайне чувствителен*, а потому и умолчал о том» [Сказка, 1793, с. 91].

Впрочем, высокая планка жертвенной дружбы задана поведением всех трех главных героев – Александра, Лодвига, царевны. Не случайно в заглавие печатной сказки вынесено «готовые умереть друг за друга». Хотя, безусловно, мотив верной дружбы был важен и для древнерусской повести, но в сказке 1793 г. появляются свои нюансы. Рассмотрим, например, эпизод древнерусской повести, в котором уязвленная невниманием Александра Фларента спрашивает его о том, как он сам, просящий за Лодвика, относится к ней. Александр отвечает пассажем о дружбе:

«Дивлюся тобі, Александре, иже ты боле меня часто видал, а от себя слова ни единого не говаривал!» Александр же рече: «О прекрасная государыня цысаревна, мне убо не учинися такая притча, как ему, кто же у себе имеет друга, и он любит его, аки сам себе. Ныне же государыни моя, Бога ради, молю тя, не дай ему изгнати и скончатися смертию!» (с. 218).

В сказке 1793 г. тема невосприимчивости Александра к красоте царевны, равнодушия к ее любви полностью снята, а оставлен только мотив жертвенной дружбы. Вот параллель к вышеприведенной цитате:

«Я крайне дивлюсь тому, Александр, что ты заботясь столько о пользе других, ничего не говоришь еще о себе самом!» – «Милостивейшая государыня, – отвечал ей на то Александр, – кто имеет у себя друга и любит его более себя, тому никак не трудно пецись всячески и о пользе онаго; а потому дерзаю я ныне паки припасти к стопам Вашим с повторением прежней моей прозбы» (с. 70).

В печатной обработке сострадание движет царевной, когда она дает согласие ответить на любовь Лодвига. В этом отношении древнерусский текст не давал психологического обоснования для внезапной перемены чувства Фларенты – от любви к Александру к приверженности Лодвику; этот эпизод описан чрезвычайно скупо. Напротив, в сказке 1793 г. побудительным мотивом служит жертвенное сочувствие:

Повесть

Цысаревна же виде драгий дар, и прием дар, и рече Александру: «О Александре, рцы Лодвику, да мене аще убо есть зелне желает, то придет и узрит двери отперты, и внидет невозбранно» (с. 218).

Сказка

Царевна, увидев опять пришедшего его к себе с дарами и приняв оныя, начала потом говорить...: «Александр, скажи теперь от меня Лодвику, ежели уже страсть онаго ко мне толь необузданна, как вижу я, что может легко вовлечь его наконец в совершенную погибель, чтоб он севодни ж еще в вечеру пришел сюда, где найдет меня уже готовую к принятию его, потому что никак не желаю я ему какого-либо несчастия...» (с. 71).

Кодекса жертвенной дружбы придерживаются Александр, Лодвиг и царевна, причем последняя в своем заряженном духом морализаторства ответе Лодвику, спрашивающем совета у жены, ставит ценность верной дружбы выше здоровья детей:

Повесть

Аще ли Александр умрет, то живот ему не может возвратитися, аще же ли дети мои умрут, и я еще млада, и ты млад же, и дети у нас еще будут (с. 225).

Сказка

Тебе, Государь, известно, что я ни в чем никогда тебе не противоречу. Я бы и сама не отреклась исполнить то охотно; ибо Александр у нас только один такой друг, которому мы одолжены всем. А как мы притом в самых цветущих летах, то и детей иметь довольно еще можем; друзья же ныне очень редки (с. 94).

Эмоциональной кульминацией в древнерусской повести является эпизод узнавания в прокаженном верного товарища и спасителя Александра: Лодвик «едва проглагола и *от жалости паде на землю, и издра на себе одеяние* цесарское, и плакася зелно» [Повесть о семи мудрецах, 2006, с. 224]. Соответствующий эпизод в печатной версии конца XVIII в. звучит следующим образом: «...Познал Лодвиг Александра тотчас: радость его была при сем случае несказанная, он *бросился к нему на шею, и лобызая его, вопрошал* онаго о причине таковой злополучной с ним перемены» [Сказка, 1793, с. 89–90]. На этом примере мы можем видеть, что экспрессивные жесты, выражающие эмоциональное состояние героев древнерусской повести, переработаны в соответствии с современным представлением об уместном поведении. Более того, в «сказке» 1793 г. жесты дополнены словесным изъяснением эмоций. Сравним:

Повесть

Александр зело *возвеселися*, еже получи желаемое, и *борзо иде* к Лодвику, и рече ему: «О милый мой брате буди весел, аз убо добых тоби милость у цысаревны, аще ли хоцещи, иди к ней, *готова ти есть к твоей воли!*» Сие же слышав, *Лодвик яко от великого сну пробудися и востав здрав*, и нощию иде к цесаревне, и *спа с нею* (с. 218).

Сказка

Слова сии произвели в Александре несказанное удовольствие; он *бросился от царевны прямо к своему другу*, и увидев его в прежней печали, *начел говорить ему в восхищении от радости*: любезный Лодвиг, престань пожалуй быть скучен с сего времени; я исходатайствовал тебе у царевны все по твоему желанию, она требует уже сама тебя к себе ныне; явись к ней и *ожидай там конца всем твоим несносным мучениям*. Известие сие обрадовало Лодвига толико, что он забыв тотчас всю свою горесть, *кинулся на шею к Александру и начал благодарить онага в наилучвейнейших выражениях*. По изъяснении же пред другом своим *чрезмернаго о том восхищения*, не приминул он идти к царевне, которая, приняв его весьма благосклонно, возвратила ему тем не только прежнее спокойствие, но *даровала еще и всю власть над своим сердцем* (с. 71–72).

В древнерусской повести взаимоотношения трех главных персонажей можно описать в терминах земной любви (Лодвик – Фларента) и небесной связи (Лодвик – Александр). Причем мотив духовной любви Александра и Лодвика восходит к архетипическому мотиву тождества в эпическом источнике и в агиографической легенде¹. В «сказке» 1793 г. получает развитие мотив возвышенной любви Лодвига к царевне, а мотив небесной связи судеб Александра и его товарища, утрачен. Сопоставим:

Повесть

...Лодвик яко от великого сну пробудися и востав здрав, и нощию иде к цысаревне, и спа с нею. И от тех мест *случилася душа* Лодвикова со Александром, *одна любовь бысть меж*

Сказка

По изъяснении же пред другом своим *чрезмернаго о том восхищения*, не приминул он идти к царевне, которая, приняв его весьма благосклонно, возвратила ему тем не только прежнее

¹ Бинарность французской жесты и латинского жития рассмотрена в статье: [Сегре, 1993, с. 187–197].

ими. Лодвик же часто хожаше к цысаревне (с. 218)¹.

спокойствие, но даровала еще и всю власть над своим сердцем. *Итак с самого сего времени не преставал уже Лодвик всегда бывать вместе с возлюбленнейшим его предметом* (с. 72).

Помимо переориентации в переработке древнерусской повести на новое представление о важнейших качествах героя – чувствительности, жертвенности, способности сострадать, которые были сформулированы в литературе сентиментализма, в сказке 1793 г. нашли отражение просветительские гражданские идеалы служения обществу, в том виде, в каком они были усвоены массовым сознанием конца XVIII в. – в виде представления о роли просвещенного монарха, который устанавливает мудрые законы, и роли подданного, который верно служит монарху. Сказка 1793 г. оканчивается картиной благоденствия в царстве Александра: «Сам же пожив с супругою своею в любви славе и изобилии, и нажив детей, которым ... оставил престол свой, ограждая его прежде от всех врагов совершенною безопасностью и *предписав* онаго народу *мудрые законы*». Из уст Александра при расставании с Лодвиком звучит формула счастья для простого, не обремененного властью человека, которая сочетает гражданское служение и супружеское согласие: «Прости, любезный Лодвик! Будь благополучен, *служи Государю верно и честно*, получа от руки его Царевну, *люби ее нежно*, и буде заметишь в ней какая слабости, то *снисходи ея полу*, и не огорчай ее никогда, *чрез что будешь и щаслив и доволен*» ([Сказка, 1793, с. 84], ср. с древнерусским текстом: «Поеди с Богом и служи цысарю и поими дочь его цысаревну», «а тебе буди со Фларентою Божья помощь» [Повесть о семи мудрецах, 2006, с. 222, 219]).

Перейду к выводам. В одной из западноевропейских редакций Истории о семи мудрецах к сказочному сюжету о мудром отроке был присоединен рассказ о двух верных друзьях, источником которого послужил средневековый французский эпос об Ами и Амиле, восходящий, в свою очередь, к агиографической легенде². Вставные повести Истории о семи мудрецах, независимо от их происхождения, выполняли роль притч, вносящих очередной аргумент в спор между персонажами рамочной истории. Рассказ о верных друзьях в новом литературном контексте стал притчей о Божьем промысле. В одной из своих работ Е.К. Ромодановская обратила внимание на смену жанра при использовании одного сюжета в зависимости от литературных задач, в частности на перевод эпического сказания в новый литературный жанр повести-притчи [Ромодановская, 1994, с. 82], расцвет которой приходился на XVII век [Ромодановская, 1985, с. 38–51].

С момента отделения Повести об Александре и Лодвике от Повести о семи мудрецах и его самостоятельного бытования в рукописной литературе, т.е. с конца XVII в., в русском литературном процессе намечается ее жанровое «дрейфование» от притчи к роману (в основе «Истории о Евграфе и Александре», датированной серединой XVIII в., лежит все тот же сюжет о верных друзьях [Malek, 1988, S. 114–115]) и сказке (имитация фольклорной сказки в печатном издании 1793 г.).

¹ Еще ярче мотив небесной связи душ Александра и Лодвика в варианте Тимофея Каменивича-Рвовского: «И от того времени *сопряжеся душа Лодвикова любовным сплетением со Александровою душою. Бысть в них яко бы един дух и едина милость любви брацкия, дружжелюбныя и непременныя*. Лодвик же от тогда начат ходити к цесаревне той» [Повесть о семи мудрецах, 1988, с. 243].

² В европейской средневековой литературе на основе стихотворного романа о семи мудрецах возник цикл псевдоисторических романов [Михайлов, 2006, с. 286–287], кроме того сюжет о верных друзьях пришел в XVI в. народную книгу, а XVII в. во французском издании «Голубая библиотека» (Bibliothèque bleue), адресованном самым демократическим читателям, был опубликован рыцарский прозаический роман о «двух благородных и очень храбрых рыцарях Миле и Ами» (1631).

Ю.М. Лотман сформулировал правило «перекодировки» произведения «на уровне жанра» при его освоении массовой культурой [Лотман, 1997, с. 618]. В нашем случае освоение «низовой» литературой повести-притчи об Александре и Лодвике превратило ее в «сказку». Возникновение в русской культуре XVII в. беллетристики сопровождал процесс консервации и сохранения традиционной древнерусской книжности с привлечением фольклорных форм [Ромодановская, 1994, с. 184]. Этот же процесс «фольклоризации» формы при попадании произведения в «низовую» литературу мы наблюдаем и в XVIII в. В то же время «низовая» литература откликается на менталитет новой эпохи. На примере переработки древнерусского памятника конца XVIII в. мы можем видеть, как с помощью «сентиментального» кода был прочитан сюжет о верных друзьях. В новом пересказе была окончательно потеряна тема «близнечества», небесной связи судеб героев, которая рудиментарно сохранялась в древнерусских текстах. В обработке 1793 г. побудительным мотивом действий героя становится осознанное представление о жертвенной сущности настоящей дружбы.

Источники

Книга семи мудрецов Римския земли о королах и о цысарех и о сыне цасарева Диоклетиане. СПб., 1878–1880. (Изд. ОЛДП, № 29 и 35).

Повесть о российском матросе Василии // Русские повести первой трети XVIII века / Исслед. и подг. текстов Г.Н. Моисеевой. М.; Л., 1965.

Повесть о семи мудрецах / Подг. текста и комм. И.Д. Казовской // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2006. Т. 15: XVII век.

Повесть о семи мудрецах / Подг. текста и коммент. И.Д. Казовской // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. М., 1988. Кн. 1.

Рукопись РНБ, ОСРК, Q.XV.175, л. 1–3 об. (Повесть об Александре и Лодвике)

Сказка о славных витязях Александре и брате его Лодвиге, живших между собою в великом согласии и готовых умереть друг за друга // Исторические сказки. СПб., тип. Б.Л. Гека, 1793.

Литература

Małek E. Narracje staropolskie w Rosji XVII i XVIII wieku. Łódź, 1988.

Азволинская (Казовская) И.Д., Каган М.Д. Повесть о семи мудрецах // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3: П–С. С. 183–187.

Казовская И.Д. Повесть о семи мудрецах (комментарии) // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2006. Т. 15: XVII век.

Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма. Эстетические и художественные искания. СПб., 1994.

Лотман Ю.М. Об одном читательском восприятии «Бедной Лизы» Н.М. Карамзина // Лотман Ю.М. Карамзин. СПб., 1997.

Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М., 2006.

Моисеева Г.Н. Идеино-художественный анализ повести о российском матросе Василии // Русские повести первой трети XVIII века / Исслед. и подг. текстов Г.Н. Моисеевой. М.; Л., 1965.

Ромодановская Е.К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII–XIX веков. Новосибирск, 1985. С. 38–51.

Ромодановская Е.К. Русская литература на пороге Нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994.

Ромодановская Е.К. Повесть о Александре и Лодвике // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3: П–С.

Ромодановская Е.К. Об изменении жанровой системы при переходе от древнерусских традиций к литературе Нового времени // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21: Памяти П.Н. Беркова.

Сегре Ч. Две истории о друзьях-«близнецах». К вопросу об определении мотива // От мифа к литературе: Сборник в честь 75-летия Е.М. Мелетинского. М., 1993.